

повелительной формы выражения, они приобретают форму утверждений. В таком случае как будто бы наблюдается выведение нормативного высказывания из дескриптивных посылок. Однако решенная таким образом проблема («гильотина Юма») основывается на очевидном смешении объекта и метода исследования.

Неверное понимание юридической конструкции закладывается, на наш взгляд, тогда, когда ее пытаются посредством толкования дедуцировать непосредственно из правового материала, отождествляя с «фрагментом действительности позитивного права», выводимого из этого же права. Такая точка зрения, увы, и до настоящего времени остается доминирующей в юридической науке. В действительности, юридическая конструкция не следует, а непосредственно предшествует правовому высказыванию, делая возможным развитие права. В таком случае по отношению к первичным элементам права юридические конструкции образуют еще один уровень правовой материи. Если это так, то возникает вопрос, какой элемент юридической конструкции придает ей субстанциональность? Ведь на уровне понимания юридической конструкции как феномена правовой культуры, построенного по формальным законам структуры, она не рассматривается как сущность. Здесь речь идет лишь об определенной объективации структурных элементов юридической конструкции в нормах права. Объективация элементов является результатом деятельности законодателя, который воплощает свои властные, выраженные нормативно веления в рамках определенных юридических конструкций. Юридическая конструкция, на наш взгляд, приобретает характер юридической субстанции, когда в ней обнаруживается некий «центр». Таким центром выступает юридический факт (для частноправовых отношений это воля субъекта права). С момента выражения воли лица юридическая конструкция в частном праве субстантивируется, становится «юридической сущностью», подлежащей толкованию

Литература:

1. Афонасин, Е.В. *Философия права* / Е.В. Афонасин, А.Б. Дидикин. — Новосибирск, 2006.
2. Лобовиков, В.О. *Математическое правоведение*. — Ч. 1 / В.О. Лобовиков. — Екатеринбург, 1998.
3. Пономарев, Д.Е. *Юридические конструкции: становление понятия в отечественном правоведении* / Д.Е. Пономарев // *Рос. юрид. журн.* — 2004. — № 4.
4. Честнов, И.Л. *Методология и методика юридического исследования* / И.Л. Честнов. — СПб., 2004.

**ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОСОБЕННОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА**

Цмакалова Н. В., Таганрогский институт управления и экономики

Правовой гармонизацией в рамках общей теории права и государства в настоящее время в России практически никто не занимается. Тем не менее, понятие «правовая гармонизация» в полной мере можно считать «сквозным» для анализа особенностей постсоветского реформирования. Именно уровень правовой гармонизации,

достигнутый или сохраненный в ходе разного рода институционально-правовых и политических трансформаций, должен стать важным критерием оценки хода и результатов постсоветской демократизации, включающей публично-властный, территориальный и иные уровни национального государства.

Согласимся с мнением В.М. Баранова и М.А. Пшеничникова, считающих, что правовую гармонизацию можно и нужно определить как «систему политико-правовых мер, осуществляемых в целях приведения правовых компонентов в органично слаженное, пропорциональное состояние, позволяющее рассматривать право как цельное, стройное, функционально ценностное образование (комплекс)» [1, с. 27]. Кроме этого, эти же исследователи утверждают, что «особый по своему значению — блок гармонизации российского законодательства в региональном ключе...» включает «обеспечение правовых, социально-культурных и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого политико-правового и экономического пространства..» [1, с. 29]. Трудно спорить и с тем, что в любом государстве, и уж тем более в современной России, государственно-правовое пространство которой буквально «кишит» так еще и не разрешенными противоречиями, федерализация является более чем значимым моментом гармонизации национальной правовой системы.

Ясно и то, что правовое пространство любой страны на политической карте мира является отражением формы ее государственного устройства. В отношении же федерации отметим, что она является весьма сложной и конфликтогенной формой государственного устройства, при которой части единого государства, все же имеют (по крайней мере, это соответствует политико-правовой природе федераций) некоторые признаки государственности. Федерация основана на соединении нескольких государственно-территориальных образований в интересах достижения общих целей при условии сохранения за каждым членом федерации определенной самостоятельности в рамках единого государства.

Сегодня в мире насчитывается более двадцати федеративных государств. Федеративная форма государственного устройства получила практически повсеместное развитие. Она имеет место быть в Европе, Америке, Африке, Азии.

Субъекты большинства современных федераций имели долгую историю независимого или полунезависимого друг от друга существования. Федеративные отношения во многих государствах Европы и Америки исторически переросли из конфедеративных.

Яркий пример — Соединенные Штаты Америки, которые до объединения в 1789 году в федеративный союз в течение почти одиннадцати лет являлись союзом государств — конфедерацией, а до того больше века — самостоятельными британскими колониями. На определенном этапе своего развития колонии осознали выгоды союза, что породило вначале тенденцию к сближению, а впоследствии — их объединение в единое государство.

Традиции независимого существования имеют и кантоны Швейцарии. Субъекты же Австрийской федерации в историческом прошлом являлись

самоуправляющимися «коронными землями» — княжествами и архиепископиями Гамбургской империи. Земли современной Федеративной Республики Германии некогда были независимыми германскими государствами, составлявшими «Священную Римскую империю германской нации», а позднее сплоченными в Германский Союз и Германскую империю. Из самостоятельных самоуправляющихся колоний сложились Канада и Австралия.

В отличие от составляющих существующие федерации автономных образований, которые в отведенной для них сфере могли осуществлять собственное законодательное регулирование, издавать законы, обладавшие на их территории верховенством над федеральным законодательством, субъекты Российской Федерации такой традиции не имеют. В недалеком прошлом, самоуправляющиеся советские политико-территориальные образования фактически не осуществляли собственного законотворчества. Принимаемые ими законы практически «писались под копирку» нормативных правовых актов, «спускаемых сверху». Хотя следует отметить, что «на бумаге» союзные республики обладали существенно большим объемом законодательных полномочий, чем области.

В результате, государственно-правовое пространство Союза Советских Социалистических Республик было практически унифицированным. Однако такой метод построения правового пространства федеративного государства нельзя признать удачным решением, поскольку в таком случае правовое пространство может поддерживаться исключительно жесточайше организованной административной вертикалью и тоталитарной системой государства.

Кроме того, в истории существующих ныне федераций интеграционные процессы происходили естественным образом, инициатива образования федерации исходила «снизу», что являлось следствием развития центростремительных тенденций, доказательством преодоления сепаративных настроений. В отличие от вышеперечисленных стран, формирование российской государственности — это результат «собирания земель» за счет усиления позиций центра. Россия создавалась и развивалась как централизованное унитарное государство. И потому реализация в российском государстве национально-территориальной федерации привело к воспроизведению авторитарной традиции в регионах, к ослаблению власти центра.

Создание же федерации по национально-территориальному признаку, кроме всего прочего, послужило благодатной почвой для развития межэтнических конфликтов, повлекло за собой лавинообразный процесс «суверенизации» территорий. Как показывает практика, там, где в основу федерации положен национально-территориальный принцип, развиваются опасные деструктивные тенденции. Такие федерации не отличаются стабильностью, что подтверждает, например, история Индии, Мьянмы, Нигерии, Югославии. Даже в Канаде франкоязычная провинция Квебек дважды хотела воспользоваться своим правом сепарации, иницируя проведение по данному вопросу референдума, причем каждый раз практически набирала необходимое для этого количество избирателей.

Литература:

1. Баранов, В.М. Правовая гармонизация / В.М. Баранов, М.А. Пшеничных // Государство и право на рубеже веков: материалы всерос. конф. «Проблемы истории и теории». — М., 2001.

ИННОВАЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чуприс О.И., кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет

1. Инновационное развитие экономики Республики Беларусь не может быть обеспечено без эффективного государственного управления, поскольку они тесно взаимосвязаны между собой. Осуществление государственного управления без учета потребностей изменяющегося времени будет тормозить экономический рост. Повсеместно внедряемое в экономику республики процессное управление обуславливает необходимость внедрения его отдельных элементов также в государственное управление. При этом инновации должны затронуть в первую очередь функции государственного управления. В отношении прогнозирования и планирования следует отметить важность стратегического планирования. Оно связано с реализацией следующих позиций:

- определение стратегических целей на длительную перспективу (5 лет и более), вытекающих из программных законов, в разрезе каждого органа государственного управления, начиная с уровня республиканских органов и заканчивая местными органами, но во взаимосвязи;

- формулировка вытекающих из целей задач на условиях конкретности, контролируемости и реальной выполнимости;

- наличие управляющего центра в части как формулировки целей и задач, так и их корректировки и контроля за исполнением, которым в силу правового положения может стать Совет Министров Республике Беларусь;

- различия целей и задач для отдельных органов в зависимости от их специального назначения и степени участия в реализации экономической функции государства. Так, например, для министерств экономики, финансов, по налогам и сборам, Национального Банка и им подчиненных органов и организаций, цели и задачи будут конкретно-экономическими. Для государственных органов, обеспечивающих их специальные функции в сфере экономики, цели и задачи будут формироваться в зависимости от их собственного назначения, обеспечивающего решение экономических задач (например, для Министерства юстиции и подчиненных ему органов — с учетом их участия в правовом обеспечении экономического роста, для Министерства образования и подчиненных ему органов — с учетом обеспечения ими экономики высококвалифицированными кадрами).